

Виктор БОЖОВИЧ

ПОДВЗЕМНОЕ ПРОМ

В фильме «В огне брода нет», поставленном в 1968 году, по-новому, нетрадиционно трактуется тема революции и гражданской войны. Позиция авторов картин чистая и принципиальная. Такова же позиция критика В. Божовича, написавшего рецензию на этот фильм, которая тогда так и не была опубликована. Мы печатаем сегодня эту «погребенную» критическую работу.

Р

еволуция, гражданская война — темы, хорошо разработанные в нашем кино. Почему же при просмотре фильма Г. Панфилова по сценарию Е. Габриловича «В огне брода нет» возникает ощущение необычности, новизны?

Режиссерский дебют Глеба Панфилова, выпускника Высших режиссерских курсов, поражает зрелостью художественной мысли и уверенностью профессионального исполнителя.

В фильме Г. Панфилова и Е. Габриловича остротенные привычного материала происходит неприметно и как бы изнутри. Авторы выбирают такую точку зрения, с которой революция откровенно как органический процесс, связанный с необходимыми и естественными первоэлементами жизни. В этом фильме о гражданской войне нет выстрелов (кроме одного — в самом конце), кавалерийских и штыковых атак, сверкающих шашек и захлебывающихся пулеметов. Есть жизнь и быт санитарного поезда, отвозившего в тыл раненых красноармейцев; любовь некрасивой санитарки Тани и конюшарного парнишки из продотряда. И есть рисунки этой самой Тани Теткиной — корявые, наивные, вдохновенные...

Революция проявляет себя как время неожиданных превращений. В этой неловкой, неказистой, неотесанной девушке таится, оказывается, волшебный огонь искусства, — как искра в крестине, который до поры до времени неприметным камушком выплетает у всех под ногами. Этот этот вспыхнул не просто так, не сам по себе. Конечно, знакомство Тани с художником из агитвагона произошло случайно. Но не случайно была ее встреча с революцией, которая выскочила из нее искрой, дала смысл и наполнение ее искусству, ее жизни, а саму художницу подвела под белогвардейскую пулю. Ибо и к искусству и к смерти Тано ведет одна сила: белогвардейский полковник называет ее «верой».

Тема революции возникает в фильме в двойном преломлении: через человеческие судьбы и через рисунки Тани Теткиной (в действительности выполненные художницей Н. Васильевой). Эти рисунки неоднократно появляются на экране в виде своеобразных «заставок», сначала неожиданно и резко, опережая развитие сюжета и разрывая повествование. В фильме возникают как бы два плана реальности: план бытовой и план метафорический. В Таниных рисунках отражается то, что видит и слышит. Думает и переживает героиня, — отражается в образах Детски наивных и эпически отмеченных. Здесь скажут кони, веют красные знамена, геройски взмахнув саблями, застыли красноармейцы. А за кадром в это время слышится могучий хор, покрываемый каким-то подземным гулом, как будто где-то стонет, бушует и ревет расплавленная человеческая лава.

Помимо пафоса и героики, у революции есть быт и плоть, есть органика естественной жизни. Повествование начинается в тоне бытового и даже быгово-натуралистическом. К небольшой станции подходит санитарный поезд. Кидаются в сторону две белые курицы, искавшие себе пропитание у самых рельсов. Из вагонов за нуждой вылезают раненые. Слышны смех и пере-кличка голосов:

Комиссар Евстрюков — А. Солоницын

Таня Теткина — И. Чуриков

- Братцы, а тута крапива!
- А у меня лопухи!
- Теткина! Теткина!
- Ну, чего, чего!
- Судно вынесь, вот чего!

В этом не очень-то поэтической обстановке происходит наше знакомство с Таней и медсестрой Марией, уединившейся в данный момент с очередными кавалерами. Что бы ни происходило в мире, а естество жизни требует своего. Гражданская война, разрыв, разломая привычные отошения, тут же создает свой быт, свои жизненные связи, когда разорванные человеческие судьбы, случайно встретившись, цепляются друг за друга, сростаются между собой, кося, криво, поспешно и недоделано. А некая сила снова и снова все крошит и корежит, ибо исторический катаклизм еще только в разгаре, еще бушует, ревет и ищет выхода пылающая лава боли, ненависти и гнева. Течет огненная река. А в огне брода нет...

Сила и своеобразие фильма в том, что бытовые ситуации, ничего не утрачивая от своей материальной реальности, в то же время про-

должаются в ином — поэтической обстановке. В одной из сцен фильм котел, установленный по пещиц на костре. В котел вываривается грязное белье с санпоезда. Эпизод, начатый красносармеевцев, немцами к Тане вопрос, к девушка, неприметно меня котел, застопила окрестности вместо правой руки нава тряпкой. «Мужики лясняет кто-то Тане. — С левой стрельяю». — торжественно и шестом варева солдатский сапог метно, вновь нарастает Кажется, что это из гул и грохот, слитный! Ручку человеку отпилили равно стрелять будет, по отпилят. И вот уже

